

7. Пагіря О. Клімат творить історію / Олександр Пагіря // Український тиждень. – 20-26 липня 2012 р. – № 29 (246). – С. 38-41.
8. Narain S. The future we do not want [Electronic resource] / Sunita Narain // Down to Earth. – 25 June 2012. – Mode of access: <http://www.downtoearth.org.in/content/future-we-do-not-want>

УДК 341: 303.436: 316.774

ЗАПРЕЩЕННАЯ ИНФОРМАЦИЯ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ УКРАИНЫ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Пазюк А.В., к.ю.н., ассистент

*Институт международных отношений
Киевского национального университета имени Тараса Шевченко*

Статья посвящается актуальным вопросам ограничения распространения запрещенной в международном праве информации, а также сравнительному анализу международно-правовых и соответствующих норм внутригосударственного законодательства Украины.

Ключевые слова: запрещенная информация, международное информационное право, erga omnes, пропаганда войны, подстрекательство к совершению геноцида, дискриминации, вражде или насилию, детская порнография.

Пазюк А.В. ЗАБОРОНЕНА ІНФОРМАЦІЯ В МІЖНАРОДНОМУ ПРАВІ ТА ЗАКОНОДАВСТВІ УКРАЇНИ: ПОРІВНЯЛЬНИЙ АНАЛІЗ / Інститут міжнародних відносин Київського Національного університету імені Тараса Шевченка, Україна

Стаття присвячується актуальним питанням обмеження поширення забороненої в міжнародному праві інформації та порівняльному аналізу міжнародно-правових та відповідних норм внутрішньодержавного законодавства України.

Ключові слова: заборонена інформація, міжнародне інформаційне право, erga omnes, пропаганда війни, підбурювання до скоєння геноциду, дискримінації, ворожнечі або насильства, дитяча порнографія.

Paziuk A.V. PROHIBITED INFORMATION BY THE INTERNATIONAL LAW AND UKRAINIAN LEGISLATION: COMPARATIVE ANALYSIS / Institute of international relations of Taras Shevchenko national university of Kyiv, Ukraine

The abstract is devoted to the contemporary issues of *erga omnes* obligations of a state to prohibit illegal information and comparative analysis of the international law principles and Ukrainian legislation in this field.

International law imposes a positive obligation on states to prohibit by law illegal information such as propaganda for war and advocacy of national, racial or religious hatred that constitutes incitement to discrimination, hostility or violence (article 20 of the International Covenant on Civil and Political Rights, Article 4 of the International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination), direct and public incitement to commit genocide (Article 3 of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide, paragraph 3 (e) of the Article 25 of the Rome Statute of the International Criminal Court, paragraph 3 (c) of the Article 4 of the Statute of the International Tribunal for the Former Yugoslavia, and paragraph 3 (c) of the Article 2 of the Statute of the International Criminal Tribunal for Rwanda), as well as child pornography (paragraph 1 (c) of the Article 3 of the Optional Protocol to the Convention on the Rights of the Child on the sale of children, child prostitution and child pornography, and the Article 9 of the Council of Europe Convention on Cybercrime).

Based on the object and purpose of the above-mentioned international instruments: 1) the norms related to the prohibition of propaganda for war, direct and public incitement to commit genocide, advocacy of national, racial or religious hatred that constitutes incitement to discrimination, hostility or violence, and the prohibition of child pornography are the rules of general international law binding the states, and 2) impose a positive obligation *erga omnes* on states to prohibit the illegal information by law, and 3) the possibility of reservations to them and derogations from are eliminated; 4) could impose sanctions to a state in case of violations.

Ukraine's adherence to international obligations in the field of illegal information prohibition, and freedom of opinion and expression defence is an indicator of the level of democracy of the state and subject to evaluation by the international community. Ukrainian legislation corresponds to international *erga omnes* obligations with regard illegal information prohibition.

Finally, it is recommended that the reform of the domestic criminal legislation of Ukraine, inter alia, possible decriminalization of offences that do not constitute a significant danger to society, should take into account erga omnes obligations as well as general principles of international law, in particular those that guarantee freedom of opinion and expression.

Key words: information prohibited by law, international information law, erga omnes, propaganda for war, incitement to genocide, discrimination, hostility or violence, child pornography.

Международное право устанавливает позитивные обязательства для государств в отношении ограничения свободы выражения. Под ограничения, требующие принятия на национальном уровне соответствующих запрещающих положений в законодательстве подпадают пропаганда войны и подстрекательство к национальной, расовой или религиозной ненависти, прямое и публичное подстрекательство к совершению геноцида, а также детская порнография.

Вопросам пресечения обращения тех или иных видов незаконной информации в международном праве уделено значительное внимание в зарубежной научной литературе. При этом вопросы пропаганды войны и подстрекательства к совершению геноцида рассматривают в контексте международного уголовного права Вайсен [1], Верле [2, 384-385], Захар [3], Кунц [4]; Мендел [5], Робинсон [6], Рухашиянкико [7], Шабас [8] и др. Подстрекательство к национальной, расовой или религиозной ненависти, а также пресечение обращения детской порнографии изучают в большей мере в рамках борьбы с компьютерными преступлениями: Акдениц [9], Бенкет и Гейтс [10], Вортли и Смолбон [11], Мильнер и Одонел [12] и др. К сожалению, указанным вопросам не уделяется необходимое внимание в отечественной науке международного права. В то же время, соблюдение Украиной международно-правовых обязательств в сфере пресечения незаконной информации, а также обеспечение свободы мнений и их выражения, являются показателями уровня демократичности государства и предметом оценки международного сообщества.

Существует разница между незаконными материалами, которые государства в соответствии с международным правом обязаны запретить, такие как детская порнография, и материалами, которые считаются вредными, оскорбительными, предосудительными или нежелательными, но которые государствам не требуется запрещать или объявлять уголовно наказуемыми. Необходимо проводить четкое различие между тремя формами выражения мнений: а) выражение мнения, которое является нарушением международного права и может быть уголовно наказуемым; б) выражение мнения, которое не является уголовно наказуемым, но может послужить основанием для ограничения и гражданского иска; и, с) выражение мнения, которое не может преследоваться в уголовном или гражданском порядке, но, тем не менее, вызывает беспокойство по поводу терпимости, благопристойности и уважения по отношению к другим. Эти отличающиеся друг от друга категории материалов затрагивают принципиальные вопросы и требуют принятия разных ответных юридических и технических мер.

Статья 20 Международного пакта о гражданских и политических правах гласит:

«1. Всякая пропаганда войны должна быть запрещена законом.

2. Всякое выступление в пользу национальной, расовой или религиозной ненависти, представляющее собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию, должно быть запрещено законом».

Международное уголовное право запрещает прямое и публичное подстрекательство к совершению геноцида. Запрет содержится, в частности, в положениях статьи 3 Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него:

Статья III

Наказуемы следующие деяния:

- а) геноцид;*
- б) заговор с целью совершения геноцида;*
- в) прямое и публичное подстрекательство к совершению геноцида;*
- г) покушение на совершение геноцида;*
- д) соучастие в геноциде.*

Соответствующие положения содержатся в пункте 3 (е) статьи 25 Римского устава Международного уголовного суда, пункте 3 (с) статьи 4 Устава Международного трибунала по бывшей Югославии и пункте 3 (с) статьи 2 Устава Международного уголовного трибунала по Руанде.

Указанные нормы являются общепризнанными императивными нормами, возлагающими на государства позитивные обязательства по ограничению свободы информации.

В Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации (МКЛРД) предложен иной подход, который предполагает более широкий арсенал средств для борьбы с ненавистью. МКЛРД определяет дискриминацию как «любое различие, основанное на признаках расы, цвета кожи, родового, национального или этнического происхождения, имеющие целью или следствием уничтожение или умаление осуществления на равных началах любых прав человека и/или основных свобод». Государства-участники МКЛРД должны принять ряд мер по борьбе с дискриминацией, в том числе не заниматься дискриминацией, путем предоставления эффективных средств правовой защиты, а также борьбе с предрассудками и путем поощрения терпимости.

Статья 4 (а) МКЛРД возлагает специфические обязательства на государства-участники криминализовать шесть видов правонарушений:

- 1) распространение идей, основанных на расовом превосходстве;
- 2) распространение идей, основанных на расовой ненависти;
- 3) подстрекательство к расовой дискриминации;
- 4) совершение насилия на расовой почве;
- 5) подстрекательство к совершению насилия на расовой почве, а также
- 6) оказание помощи, в том числе финансового характера, для проведения расистской деятельности.

Как видно из этого перечня, четыре из шести пунктов (1, 2, 3, 5) относятся к обязательствам, ограничивающим свободу выражения. Указание лишь такого признака для дискриминации как расовое происхождение и отсутствие других возможных признаков в этой статье, по мнению экспертов, является всего лишь технической недоработкой [13].

В отношении требований статьи 4 отсутствует международный консенсус, и многие государства использовали возможность сделать к ней оговорки, которые оставили за государствами право самим определять баланс между свободой выражения и борьбой с дискриминацией. В частности, оговорка США гласит: «Конституция США содержит положения о защите прав личности, такие как право на свободу слова, и ничто в Конвенции не должно рассматриваться как требующее или разрешающее принятие законодательных или иных мер со стороны Соединенных Штатов Америки, несовместимых с положениями Конституции Соединенных Штатов Америки» [14].

Распространение детской порнографии запрещено международным правом, в частности Факультативным протоколом к Конвенции о правах ребенка, касающегося торговли детьми, детской проституции и детской порнографии. В соответствии с Факультативным протоколом государства-участники обязаны обеспечить, чтобы производство, распределение, распространение, импорт, экспорт, предложение, продажа или хранение детской порнографии пресекались уголовным законодательством, независимо от того, были ли эти преступления совершены на национальном или транснациональном уровне или в индивидуальном или организованном порядке (статья 3, пункт 1(с)).

Статья 9 Конвенции Совета Европы о киберпреступности обязывает государства-участники принять законодательные и иные меры, необходимые для того, чтобы квалифицировать в качестве уголовных преступлений согласно ее внутригосударственному праву в случае совершения умышленно и неправомерно таких деяний:

- а) производство детской порнографической продукции в целях распространения через компьютерную систему;

- б) предложение или предоставление в пользование детской порнографии через компьютерную систему;
- в) распространение или передача детской порнографии через компьютерную систему;
- г) приобретение детской порнографии через компьютерную систему для себя или для другого лица;
- д) владение детской порнографией, находящейся в компьютерной системе или на носителях компьютерных данных.

Следует отметить, что Дополнительный протокол к Конвенции о киберпреступности, предусматривает установление государствами запретов более широких, чем указаны в статье 20 Пакта. В частности, это может относиться к распространению расистских материалов через компьютерные системы (статья 3) или на публичное оскорбление лиц «по той причине, что они принадлежат» к расовой или этнической группе (статья 5). Однако положения Дополнительного протокола позволяют государствам-участникам применить оговорку и не применять указанные положения.

Тем не менее, в части применения оговорок к международным договорам по правам человека, Комитет ООН по правам человека (КПЧ) сделал вывод о недопустимости применения оговорок к положениям Пакта, которые представляют собой нормы международного обычного права. Одной из таких императивных норм является обязанность государства запретить пропаганду национальной расовой или религиозной ненависти. Согласно мнению КПЧ, обычное международное право обязывает все государства в большинстве случаев согласны они или нет, а запрет расовой дискриминации и пропаганды ненависти является частью обычного международного права. В Замечании общего порядка № 24, принятом на 52-й сессии Комитета по правам человека в 1994 году, по вопросам, касающимся оговорок, которые делаются при ратификации Пакта или Факультативных протоколов к нему или при присоединении к ним, или относительно заявлений, сделанных на основании статьи 41 Пакта говорится:

«8 Оговорки, нарушающие императивные нормы, не совместимы с объектом и целями Пакта. Хотя договоры, которые представляют собой обычный обмен обязательствами между государствами, позволяют государствам резервировать в отношениях между собой применение норм общего международного права, дело обстоит иным образом в договорах о правах человека, которые служат на благо людей, находящихся под юрисдикцией этих государств. Соответственно, положения Пакта, которые представляют собой обычное международное право (и a fortiori, если они имеют характер императивных норм), не могут быть предметом оговорок. В этой связи государство не может резервировать за собой право заниматься рабством, совершать пытки, подвергать людей жестокому, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению, произвольно лишать людей жизни, арестовывать и задерживать людей в произвольном порядке, отрицать свободу мысли, совести и религии, считать человека виновным до тех пор, пока он не докажет свою невиновность, казнить беременных женщин или детей, позволять пропаганду национальной, расовой или религиозной ненависти, отрицать за людьми брачного возраста право на вступление в брак или отрицать за меньшинствами право пользоваться своей собственной культурой, исповедовать свою религию или использовать свой язык» [15].

В статье 19 (3) Венской конвенции о праве договоров говорится, что в тех случаях, когда оговорка не запрещается договором или относится к определённым разрешённым категориям, государство может сделать оговорку при условии, что она не будет являться несовместимой с объектом и целями договора. Хотя Венская Конвенция о праве договоров была заключена в 1969 году, а вступила в силу лишь в 1980 году, т.е. после вступления в силу Пакта, её положения отражают общее международное право по этому вопросу, которое уже было закреплено Международным Судом в 1951 году в его заключении по делу об оговорках к Конвенции о геноциде [16]. Суд признал, что запрет геноцида, а равно и обязательство привлекать к суду или выдавать лиц, совершивших подобное международное преступление, представляют собой обязательство *erga omnes* в своем Консультативном заключении от 28 мая 1951 г. по вопросу оговорок к Конвенции о предотвращении преступления геноцида и наказании за него:

«Очевидно, что Конвенция была принята с чисто гуманной и цивилизующей целью. Действительно, трудно представить себе конвенцию, в которой подобная двойная задача была более выражена, поскольку ее целью является, с одной стороны, сохранить само существование некоторых человеческих групп, а с другой – подтвердить и одобрить самые элементарные принципы гуманности. В подобной конвенции у договаривающихся сторон отсутствуют какие-либо собственные интересы: у каждой из них наличествует общий интерес, а именно, достижение тех высоких целей, которые являются *raison d'être* конвенции. Следовательно, имея дело с конвенцией, подобной этой, нельзя говорить о преимуществах или ущербе для того или иного отдельного государства или о поддержании необходимого договорного баланса между правами и обязанностями. Высокие идеалы, вдохновившие государства к принятию этой конвенции, являются основанием и мерой для всех ее положений благодаря общей воле сторон» [17].

Позднее, Суд дал уточнение общему понятию обязательств *erga omnes*: «Важно проводить различие между обязательствами государства по отношению к международному сообществу в целом и обязательствами, возникающими по отношению к другому государству... По самой своей природе первые касаются всех государств. Принимая во внимание важность соответствующих прав, можно считать, что все государства имеют законный интерес защитить их; эти обязательства являются обязательствами *erga omnes*. В современном международном праве такие обязательства вытекают, например, из запрещения актов агрессии и геноцида, а также из принципов и норм, касающихся основных прав человеческой личности, включая защиту от рабства и расовой дискриминации» [18].

В последующем Суд вновь повторил свое Заключение по вопросу оговорки к Конвенции о предотвращении преступления геноцида и наказания за него в 1996 году по делу «Босния-Герцеговина против Югославии»:

«Истоки Конвенции указывают на то, что целью Организации Объединенных Наций было осудить и подвергнуть наказанию геноцид как «преступление в соответствии с международным правом», связанное с отрицанием права на существование целых человеческих групп, которое шокирует совесть человечества и приводит к большим человеческим жертвам и которое противоречит моральному праву и духу и целям Организации Объединенных Наций... Первое следствие, вытекающее из этого понимания, состоит в том, что принципы, лежащие в основе этой Конвенции, признаны цивилизованными странами как юридически обязательные для государств даже без какого-либо договорного обязательства. Второе следствие состоит в том, что как осуждение геноцида, так и сотрудничество, необходимое для «избавления человечества от этого отвратительного бедствия» (Преамбула Конвенции), имеют универсальный характер» [19].

Недопустимость применения оговорки к положениям Пакта, относящимся к свободе мнений и их выражения, была подчеркнута Комитетом по правам человека:

«5. С учетом специфической терминологии пункта 1 статьи 19, а также взаимосвязи между мнением и мыслью (статья 18) оговорка к пункту 1 была бы несовместима с предметом и целью Пакта [20]. Кроме того, хотя свобода мнений не числится в перечне прав, отступление от которых недопустимо согласно положениям статьи 4 Пакта, следует напомнить, что "в не перечисленных в пункте 2 статьи 4 положениях Пакта есть элементы, которые, по мнению Комитета, не могут быть предметом правомерных отступлений в соответствии со статьей 4" [21]. Свобода мнений является одним из таких элементов, поскольку ни при каких обстоятельствах не может возникнуть потребность в отступлении от ее соблюдения во время чрезвычайного положения [22].

6. С учетом взаимосвязи свободы выражения мнений и других закрепленных в Пакте прав необходимо отметить, что, хотя оговорки к конкретным элементам пункта 2 статьи 19 приемлемы, общая оговорка в отношении прав, содержащихся в пункте 2, была бы несовместима с предметом и целью Пакта» [23].

В Замечании общего порядка № 29, посвященном вопросам отступления государствами от прав в связи с чрезвычайным положением (статья 4 Пакта), Комитет по правам человека также подчеркивает императивный характер статьи 20 и невозможность отступления государствами от ее выполнения:

«е) никакое объявление чрезвычайного положения, сделанное в соответствии с пунктом 1 статьи 4, не может служить государству-участнику оправданием в плане ведения, в нарушение статьи 20, пропаганды войны или организации выступлений в пользу национальной, расовой или религиозной ненависти, представляющих собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию» [24].

Таким образом, исходя из предмета и цели Пакта: 1) нормы, касающиеся запрета пропаганды войны и подстрекательства к дискриминации, вражде или насилию, являются нормами обычного международного права обязательными для государств; 2) возлагают на государства позитивные обязательства *erga omnes* по запрещению пропаганды войны, прямого и публичного подстрекательства к совершению геноцида, к дискриминации, вражде или насилию; 3) возможность применения оговорок к ним и отступления от них исключаются; 4) за их нарушение государства несут ответственность перед мировым сообществом.

Положениями Уголовного Кодекса Украины предусмотрена ответственность, в частности, за такие деяния:

- а) публичные призывы к насильственному изменению или свержению конституционного строя или к захвату государственной власти, а также распространение материалов с призывами к совершению таких действий (часть вторая статьи 109 УК);
- б) преднамеренные действия, совершенные с целью изменения пределов территории или государственной границы Украины в нарушение порядка, установленного Конституцией Украины, а также публичные призывы или распространение материалов с призывами к совершению таких действий (часть первая статьи 110 УК);
- в) публичные призывы к совершению террористического акта (статья 258 УК);
- г) публичные призывы к погромам, поджогам, уничтожению имущества, захвата зданий или сооружений, насильственного выселения граждан, которые угрожают общественному порядку, а также распространение, изготовление или хранение с целью распространения материалов такого содержания (статья 295 УК);
- д) публичные призывы к агрессивной войне или к развязыванию военного конфликта, а также изготовление материалов с призывом к совершению таких действий с целью их распространения или распространение таких материалов (статья 436 УК);
- е) публичные призывы к геноциду, а также изготовление материалов с призывами к геноциду с целью их распространения или распространения таких материалов (часть вторая статьи 442 УК).
- ж) умышленные действия, направленные на разжигание национальной, расовой или религиозной вражды и ненависти, на унижение национальной чести и достоинства или оскорбление чувств граждан в связи с их религиозными убеждениями (статья 161 УК);
- з) ввоз, изготовление, хранение, перевозка или распространение произведений, пропагандирующих культ насилия и жестокости, расовую, национальную или религиозную нетерпимость и дискриминацию (статья 300 УК).

Как видно из указанного перечня, внутригосударственное законодательство Украины в целом соответствует международно-правовым обязательствам *erga omnes* в части пресечения обращения незаконной информации, однако предусматривает более широкий спектр противоправных актов в информационной сфере, относящихся к разряду уголовно-наказуемых, в сравнении с международно-признанными принципами.

Подводя итог проведенному исследованию, можно прийти к таким выводам, что при реформировании положений уголовного законодательства Украины, в частности, декриминализации отдельных составов правонарушений, не имеющих значительной общественной опасности, следует принимать во внимание основополагающие нормы и принципы международного права, в частности те, которые гарантируют свободу мнений и их выражения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Wiesen Jonathan. The Jewish Enemy: Nazi Propaganda during World War II and the Holocaust / Wiesen Jonathan // Holocaust and Genocide Studies. – 2007. – Volume 21. – Number 2. – P. 303-305.
2. Верле Герхард. Принципы международного уголовного права: учебник / Герхард Верле; пер. с англ. С. В. Саяпина. – О.: Феникс; М.: ТрансЛит, 2001. – 910 с.
3. Zahar A. The ICTR's "Media" Judgment and the Reinvention of Direct and Public Incitement to Commit Genocide / A. Zahar // Criminal Law Forum. – 2005. – V. 16. – P. 33.
4. Kunz J. The United Nations Genocide Convention / J. Kunz // American Journal of International Law. – 1949. – V. 43.
5. Mendel T. Study on International Standards Relating to Incitement to Genocide or Racial Hatred. – 2006. / T. Mendel [Electronic source]. – Access mode: http://www.concernedhistorians.org/content_files/file/TO/239.pdf.
6. Robinson N. The Genocide Convention: A Commentary / N. Robinson. – New York: Institute of Jewish Affairs, 1960. – 158 p.
7. Ruhashyankiko. Study of the Question of the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide / Ruhashyankiko. – 1978. – 107 p.
8. Schabas W. Genocide in International Law / W. Schabas. – Cambridge: Cambridge University Press, 2000. – 624 p.
9. Akdeniz Yaman. Racist Content on the Internet / Council of Europe Publishing, 2009; Introduction / Legal Instruments for Combating Racism on the Internet / Council of Europe Publishing, Human Rights and Democracy Series, 2009. – pp. 7-37; Internet Child Pornography and the Law: National and International Responses. – London: Ashgate, 2008.
10. Ralph W. Gates. The Relationship Between Pornography and Extrafamilial Child Sexual Abuse / W. Ralph, Bennett Daryl F. // The Police Chief. – 1991.
11. Wortley Richard. Situational Prevention of Child Sexual Abuse / Wortley Richard, Stephen Smallbone // Criminal Justice Press: Crime prevention studies, 2006. – Volume 19.
12. Claire Milner. Child Pornography: Crime, computers and society / Claire Milner, Ian O'Donnel. – Willan Publishing, 2007.
13. ARTICLE 19, Memorandum Preliminary Draft InterForms of Discrimination and Intolerance. – April 2007.
14. Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www2.ohchr.org/english/bodies/ratification/2.htm#reservations>.
15. Замечание общего порядка № 24 Комитета о вопросах, касающихся оговорок, сделанных при ратификации присоединения к Пакту или Факультативного протокола к ней, или в связи с заявлениями, в соответствии со статьей 41 Пакта. – Пятьдесят вторая Сессия. – 11 ноября 1994.
16. Шетай Винсент. Вклад Международного суда в международное гуманитарное право / Винсент Шетай // Международный журнал Красного Креста. – 2003. – С.89-128 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.icrc.org/rus/assets/files/other/04_irrc_850_chetail_rus.pdf.
17. Reservations to the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide, Advisory Opinion. – ICJ Reports – 1951. – P. 23.
18. Barcelona Traction, Light and Power Company Limited (Belgium v. Spain). – ICJ Reports. – 1970. – p. 32. – para. 33.
19. Case concerning application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Bosnia-Herzegovina v. Yugoslavia) (Preliminary objections). – ICJ Reports. – 1996. – P. 616. – para. 31.

20. Замечание общего порядка № 24 (1994) Комитета о вопросах, касающихся оговорок, сделанных при ратификации Пакта или Факультативных протоколов к нему или при присоединении к ним или в связи с заявлениями, предусмотренными статьей 41 Пакта, Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятидесятая сессия, Дополнение № 40, том I (A/50/40 (том I)), приложение V.
21. Замечание общего порядка № 29 (2001) Комитета об отступлении от обязательств в связи с чрезвычайным положением, пункт 13 // Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи. – 56 сессия, Дополнение № 40/ – том I (A/56/40 (том I)) – приложение VI.
22. Замечание общего порядка № 29. – пункт 11.
23. Замечание общего порядка № 34.
24. Замечание общего порядка № 29. – пункт 13.